

Единственная наследница великой царицы Савы умерла в родах. Много дней правительница молила великую богиню послать ей детей, но тщетно. Однажды во сне она услышала голос, который сказал, что дочь и новую правительницу она найдет в далекой стране. А утром во дворец прибыли послы из Израиля с письмами от царя Соломона.

Его послания были полны такой страсти, что царица тайно отправилась в путь — в неведомую страну к могущественному правителю. Там, в покоях Соломона, она обрела то, о чем мечтала: покой, любовь, нежность и . . . знамение богини. Козни царских жен и наложниц вынудили царицу Юга покинуть дворец, но с собой она увезла самое большое сокровище Соломона . . .

«Ты истинная дочь Соломона Премудрого.
Благословенна земля, которой ты будешь править».

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5968-3

9 786171 1259683

ИНДИЯ
ЭДХИЛЛА

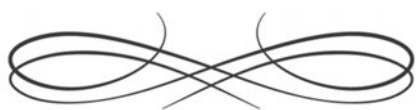

НАСЛЕДНИЦА
ЦАРИЦЫ САВСКОЙ

ИНДИЯ ЭДХИЛЛА

НАСЛЕДНИЦА
ЦАРИЦЫ
САВСКОЙ

WISDOM'S
DAUGHTER

INDIA EDGHILL

A NOVEL

НАСЛЕДНИЦА
ЦАРИЦЫ
САВСКОЙ

ИНДИЯ ЭДХИЛЛ

РОМАН

УДК 821.111(73)
Э27

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Wisdom's Daughter : A Novel of Solomon and Sheba : A Novel /
India Edghill. — New York : St. Martin's Press, 2004. — 432 p.

Перевод с английского *Ирины Серебряковой*

Дизайнер обложки *Наталья Переверзева*
Шрифтовое оформление обложки *Сергея Ткачева*

ISBN 978-617-12-5968-3
ISBN 978-0-3122-8937-9 (англ.)

© India Edghill, 2004
© Depositphotos.com / VURY-
7TARANIK, svetography, 2016
© Hemiro Ltd, издание на рус-
ском языке, 2016, 2019
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», перевод
и художественное оформле-
ние, 2016, 2019

*Посвящается Бонни С. Уилфорд
1949—2003*

Творения ее усердных рук
В конце пути хвалу ей вознесут.

Любить и жить — мудрее нет дорог,
И исполнять, что Бог велит иль рок,
Не возносить молитв, не вопрошать,
Лишь гладить волосы и губы целовать.
И принимать страстей высокий вал,
Беречь — и отпускать, когда твой час настал!

Лоуренс Хоуп

ПРОЛОГ

ПЕСНЬ ВААЛИТ

Отец мой был великим царем, мудрым и сильным человеком. Мать моя, дочь джинна, была огненным песчаным вихрем. Так начал бы мою историю какой-нибудь арфист. В конце концов, того требует традиция. Так начну и я свою песнь, ведь для нарушившего все правила и отринувшего все заветы лишь традиция может искупить вину и подсластить ее.

И песнь моя такова: царь золотого века и царица земель, что лежат дальше восхода солнца, встретились и вступили в поединок разума и воли. Она испытывала его сложными загадками, а он с легкостью все их разрешал. И тогда женщина склонилась перед силой его мудрости, восхваляя его величие, а потом отбыла в свое далекое царство, увозя груз бесценных подарков, которыми щедро оделил ее премудрый царь.

«Она получила все, чего только могла желать, — так поют об этом сейчас. — Царь Соломон дал все, чего хотела душа великой царицы».

Но щедрость далась ему нелегко. Он неохотно расстался с тем, чего по-настоящему жаждала царица Южных земель и что он даровал ей. Для этого ему пришлось поступиться своим царским величием. В песнях об этом не поют — правда горька для людей.

А я облеку песнь о них в свои слова и в их собственные. Я, в свою очередь, стану царицей Земли Пряностей, царицей Юга. И в этой песне поведаю вам о Соломоне Премудром и о Билкис, царице Утра.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЦАРИЦА ЮЖНОЙ СТРАНЫ

Я — лишь эхо воспоминаний, но обо мне еще говорят, а значит, ветер времени доносит мой шепот до слуха живых. Ведь обо мне ходит еще немало легенд, и не всегда молва щадит меня. Но одно я, Ависага Сунамитянка, могу сказать от чистого сердца: никогда я не плела интриг, чтобы стать царицей. Все заговоры, которым я содействовала, все мои хитрости имели целью лишь одно: чтобы после смерти царя Давида корона досталась Соломону. Оказавшись при дворе царя Давида, ни о чем другом я не думала.

Лишь об этом. И о том, чтобы Соломон стал моим. Чтобы его душа стремилась ко мне. Ко мне одной. Какое значение имели по сравнению с этим царь или корона?

В сердце моем жили два одинаково сильных желания. И судьба, зная о них, лишила меня того, что могло бы все искупить. Искупить все те поступки, благодаря которым Соломон взошел на трон, а я стала царицей. Судьба не даровала мне сына от Соломона. Сына, который унаследовал бы царство. Этой награды я была лишена.

И все же в конечном итоге это не имело значения.

БИЛКИС

Ее страна снов и пряностей лежала далеко за горизонтом, и само название тех земель означало «рассвет». Рассвет и пряно-

сти — два драгоценных камня, что одинаково ярко сияли в короне Савского царства. В короне, благополучно переходившей от матери к дочери, от тетки к племяннице, от сестры к сестре по живой цепи поколений, не прерывавшейся тысячу лет.

До сих пор.

Билкис посмотрела на корону Савского царства — золотой обруч, украшенный драгоценными камнями. Теперь ему грозила неведомая судьба. Древнее сокровище покоилось в ларце из черного дерева, таком старом, что от благоговейных прикосновений сотен рук стерлась узорная резьба на нем. Главная придворная советница рассказывала о вырезанных на ларце фигурах так подробно, словно видела их воочию: Аллат, богиня-мать Савы, дарует пряности и благовония Амелиат-Кукнус, рожденной солнцем и пламенем и ставшей первой царицей.

Ладан и мирт, корица и перец... Пряности Савского царства, более редкостные, чем рубины, более драгоценные, чем золото, принесли этой земле богатства, превосходящие мечты всех правителей. Дар богини воплотился в мирной жизни и процветании. И то и другое хранили царицы, любящие матери земли Аллат и ее народа.

От сестры к сестре, от тетки к племяннице, от матери к дочери. Билкис взяла корону в руки. На чеканной золотой поверхности вспыхнул отблеск. *От царицы к царице.*

До сих пор.

Теперь лишь одна женщина могла доказать свое прямое происхождение от царской династии Савы. «Я — последняя царица. — Она смотрела на тяжелую корону, благоговейно держа ее в руках. — Почему так случилось? Я посвятила себя выполнению долга. Благо Савского царства было для меня дороже жизни». Всегда, всегда она заботилась о своем царстве, словно о единственном ребенке. Она принесла ему в жертву себя. Свою дочь. И все ради того, чтобы пережить смерть своего детища.

Теперь она осталась одна. А корона ждала...

Билкис со вздохом осторожно вернула ее в древний ларец, пробежав пальцами по золотой поверхности, сиявшей холодным

светом. «Я не предаю тебя», — поклялась она. Династия Савских цариц не закончится на ней. *Не может* закончиться на ней.

Она опустила крышку ларца и взяла со стола серебряное зеркальце. Не обманывая себя и не впадая в тщеславие, она разглядывала отражение своего лица. Солнце, просачиваясь сквозь алебастровые окна, вкрадчиво льстило ей.

Ласковая ложь. И точно так же лгало ей зеркало: полированное серебро отражало лишь подведенные сурьмой глаза и тронутые кармином губы. В зеркалах ее накрашенное лицо все еще сияло молодостью и красотой. Серебро не показывало морщинок, которые прорезали кожу в уголках глаз и вокруг рта.

Пока не показывало.

Но когда-нибудь, уже скоро, алебастровые пластины окон перестанут смягчать солнечные лучи, да и серебро больше не сможет лгать. Она медленно опустила зеркальце и отвернулась.

«Пора посмотреть правде в глаза — я старею».

Само по себе это не было большой бедой, ведь старело все живое. Но для царицы Савской это означало катастрофу.

«Если бы не умерла Алит!..» Но ее единственная дочь, взращенная и воспитанная, чтобы занять трон и в свою очередь, вслед за матерью, стать царицей, лежала в могиле вместе с девочкой, рожая которую она и умерла. И дочь, и внучка скончались в ранний предрассветный час. Последние, в чьих жилах текла бесценная кровь правящей Савской династии...

«А я слишком стара, чтобы родить еще одну дочь». Изящное тело и гладкое лицо не выдавали истинный возраст, но иметь детей она больше не могла. После смерти дочери она пыталась изо всех сил, проводя в саду наслаждений при храме Аллат бесчисленные ночи с мужчинами, не видевшими ее лица, в поисках героя, который оказался бы достаточно сильным, чтобы зачать наследницу и продолжить царскую династию.

Но у нее ничего не вышло — тело отказывалось давать новую жизнь. И теперь с каждым очередным лунным циклом она все яснее убеждалась, что больше не сможет рожать детей.

И все же она не могла обойтись без наследницы. *Савское царство* не могло обойтись без наследницы. Каким-то обра-

зом ей предстояло найти царицу для этой страны, царицу, которая снимет тяжелую корону с ее гордой головы и будет править после нее, заботясь о земле и народе Аллат. «И как мне даровать им эту милость? — Она больше не могла избежать этого вопроса, он преследовал ее, словно призрак. — Ведь мое тело слишком старо для этого, и нет других женщин одной со мной крови, чтобы разделить эту ношу. Что же мне делать?»»

Этот неотвратимый вопрос лишал ее покоя и не позволял забыть. Что толку от всех долгих лет ее правления, если некогда оставить на престоле после себя? Лишь преемственность, невидимое глазу перетекание власти из одних царственных рук в другие, могла обеспечить мир. Неужели на ней разомкнутся звенья этой безупречной, искусно выкованной цепи?

Теперь покой не приходил даже по ночам. Во сне она скиталась в пустынях, лишенная надежды, мечты и жизни, а на рассвете просыпалась измученная, без сил для дневных дел. Она не показывала другим свою неотступную тревогу — точно так же она скрыла бы и любую другую слабость. Это была ее беда, и она не могла никого заражать своим беспокойством.

Но она знала, что скоро ей придется защищать будущее народа Аллат. Жизнь, даже царская, была зыбкой, а будущее ждать не могло.

И после долгой ночи, когда она лежала и смотрела, как восходят, а потом садятся звезды, она поняла, что и сама больше не может ждать. Встав вместе с солнцем, она по ступеням поднялась на крышу дворца. Внизу расстилался мирно дремлющий город. Мариб, Жемчужина Пустыни. Мариб, Царство Пряностей. Мариб, любимое дитя Аллат, Звезды Утренней и Звезды Вечерней.

Яркое солнце взбиралось на арку небес. Глядя, как разгорается день, царица истово молилась: «Даруй мне ответ, Солнце наших дней. Даруй мне ответ, и я заплачу любую цену, которую ты мне назначишь». Она ждала, простирая руки к огненной богине, возносящейся в ясное небо. Но ответ не приходил. Лишь золотистая земля мирно простиралась под восходящим солнцем.

Наконец она со вздохом опустила руки, усталая, хотя день еще не начался, и отвернулась от солнца — ее ожидали повседневные заботы.

«Я до смерти измучена. Ну что ж, может быть, сегодня мне хотя бы удастся поспать». Она выполняла дневные обязанности, словно разукрашенная статуя. Благодаря долгим годам опыта на ее уста приходили нужные слова, тело совершало обусловленные ритуалом движения. А сейчас, хотя больше всего на свете ей хотелось броситься на кровать, она стояла и терпеливо ждала, пока прислужницы снимали с нее платье, смывали с кожи пот и дневной жар, застилали скамью, чтобы она могла сесть. И, когда царица села, Хуррами встала у нее за спиной, чтобы распустить ее туго заплетенные волосы, а Ирция, собирая снимаемые с нее украшения, раскладывала по местам в серебряную, разделенную перегородками шкатулку браслеты и кольца, ожерелья и подвески, ножные браслеты, булавки с головками из драгоценных камней, скреплявшие ее платье.

Каждый вечер один и тот же ритуал. Ирция и Хуррами работали о ней с тех самых пор, как стали женщинами; их вырастили и воспитали, чтобы служить ей. Так же и ее вырастили и воспитали, чтобы служить Савскому царству. И, хотя она очень хотела остаться одна, их долг и право заключались в служении ей. Отослав, она лишь ранила бы их. «А мне это не могло бы. Вот если бы...»

— Что тревожит мою госпожу?

Хуррами взялась за искусно заплетенные косы, короной уложенные на голове царицы.

Билкис хотела солгать, но вдруг сказала другое:

— Почему ты думаешь, будто меня что-то тревожит?

— Ты словно бы... изменилась, — вот и все, что произнесла Хуррами.

Ее руки проворно порхали по волосам госпожи.

— Изменилась?

Хуррами отложила двенадцать украшенных алмазами заколок, извлеченных из кос царицы.

— Госпожа моя, вот уже двенадцать лет я служу тебе. Твои тайны — мои тайны. Как могу я не знать, что тебя мучают беспокойные сны? — Хуррами начала распускать туго заплетенные косы. Волосы падали тяжелой волной на плечи. — Твой разум ищет покоя и не находит.

«Ничего удивительного. Женщина ничего не может утаить от своих прислужниц».

— Любящие тебя беспокоятся, — добавила Ирция, — нам бы хотелось видеть тебя счастливой.

— Спасибо за доброту.

Билкис размышляла, как лучше поступить — промолчать или открыться. В конце концов она решилась на компромисс.

— Хуррами, ты права. Я тревожусь. Да, Ирция, мне тоже хочется видеть себя счастливой!

Ирция ответила на иронию госпожи покорной улыбкой и продолжила раскладывать дневные уборы по отделениям серебряной шкатулки. Хуррами взяла резной гребень из слоновой кости и принялась тщательно и неспешно расчесывать густые волосы Билкис.

— А что сделало бы тебя счастливой, госпожа моя? — тихо спросила Хуррами.

«Дочь», — подумала Билкис. Но произнести это вслух она не могла. Этого и не стоило говорить, ведь Хуррами все понимала. «Как и Ирция, и все остальные служанки, и придворные, и торговцы». Ее подданные очень беспокоились о будущем. Шпионы в своих донесениях сообщали, что народ все чаще задается вопросом о том, кто сменит Билкис на троне Савского царства. «Что сделало бы меня счастливой? Новая царица для Савы».

Позади молча стояла Хуррами, приглаживая расплетенные косы госпожи. Гребень из слоновой кости ровными движениями проходил сквозь черные как смоль волосы.

— Спасибо, что спрашиваешь, милая, — вздохнула Билкис, — но не в женской власти дать мне это.

— Значит, это во власти мужчины? Кто-то посмел пренебречь прекраснейшей в мире царицей? Хочешь ли ты, чтобы я покарала его, госпожа? — В голосе Хуррами звенели веселые

колокольчики. — Хочешь, я притащу его к твоим ногам, закованного в золотые цепи?

Царица рассмеялась — она знала, что ее прислужница вполне на это способна. Хуррами шла по жизни смеясь.

— Очень великодушно, спасибо. Но и мужчина не способен дать мне это. Лишь во власти богов даровать мне покой.

Помолчав, Хуррами спросила:

— И боги его не даруют?

— Пока не даровали.

А ведь она весь прошлый год молилась и без конца жертвовала храмам — от воспоминаний зажглась была какая-то мысль, но вспыхнула и погасла слишком быстро, и царица не успела ее уловить...

— Для богов иначе идет время.

Ирция, степенная и рассудительная девушка, повторила эту банальность со всей подобающей серьезностью. Билкис знала, что за спиной у нее Хуррами улыбнулась этой торжественной набожности.

— У богов в запасе вечность. А у цариц — нет.

Царицы умирали и старели, оставаясь навсегда лишь в памяти своих дочерей.

— Тогда, возможно, моей госпоже стоило бы напомнить об этом богам, — сказала Хуррами, с силой вонзая гребень в переплетение прядей.

— Возможно.

И вдруг тлеющая зола той упущенной мысли вспыхнула ярким пламенем. Царица застыла, боясь погасить ослепительный свет своего озарения, не чувствуя даже, как гребень пробирается сквозь ее волосы.

«Да, попросить богов — снова. — На миг ее кровь похолодела и медленнее побежала по жилам. — Раньше они тебе никогда не отвечали, почему сейчас должно получиться иначе?» Эта тщательно хранимая тайна отравляла стыдом. Билкис делала все, что подобает царице, чтобы добиться милости богов. Набожно поклонялась лику Аллат. Но никогда не получала знаков, которыми боги проявляют себя перед теми, кто им слу-

жит. Иногда, стоя перед статуей матери Савского царства и слушая гнетущую тишину, Билкис задумывалась о том, существуют ли боги вообще.

«Нет. Сейчас не время сомневаться. Я пойду в Великий Храм. И попрошу у Аллат помощи. И она скажет мне, где найти следующую царицу Савскую. А если она не ответит...»

Внезапное ощущение уверенности, словно горячее вино, наполнило ее теплом. Если Аллат не ответит, это будет означать, что боги полагаются на нее, Билкис, и знают, что она поступит надлежащим образом. «Да». Ощущение, что все правильно и справедливо, согрело ее.

— Да, наверное, так мне и следует поступить. — Она улыбнулась и погладила Хуррами по тонкому запястью. — Прекрасный совет, милая. И я знаю, что на этот раз моя молитва не останется без ответа.

«А еще я должна поблагодарить за все, что уже было мне даровано». Возможно, боги и вправду существуют. Ведь кто, кроме самой Аллат, мог подсказать этот дерзкий план?

Множество храмов высились в Марибе; жители Савского царства отличались набожностью, и эти храмы, словно драгоценные камни, украшали корону всеобщего счастья. А из всех самоцветов ярче всего сиял храм Аллат. Прекрасная обитель прекраснейшей из богинь. Дом Царицы Небесной стоял в самом сердце города. Двери внешних помещений храма были открыты для всех днем и ночью, и каждый мог войти, будь то мужчина или женщина, местный житель или чужестранец, ребенок или старик. Здесь тепло встречали всех, кто хотел поклониться Аллат, принести жертвоприношение или немного отдохнуть, наслаждаясь дарованным богиней покоем. Внешние помещения храма щедро делились ее милостями.

Но за гостеприимством внешних помещений, за улыбками жриц, прохладными фонтанами, роскошными яствами и напитками скрывалось совсем другое царство.

За кустами роз и нежно журчащими фонтанами, за стенами, покрытыми ярким узором из лилий и леопардов, за алтарями

и статуями, что поставили здесь благодарные прихожане, за блеском и смехом — за всеми невинными наслаждениями, которыми наделяла любящая богиня, лежало Внутреннее Святилище храма.

Просто так попасть туда не мог никто. Большинство людей никогда не входили во Внутреннее Святилище, всю жизнь довольствуясь понятными и простыми радостями, которые богиня даровала всем.

Для Внутреннего Покоя не хватало одной лишь чистой преданности и безоглядой веры — он требовал мудрости, смелости и твердой решимости не поддаваться иллюзиям.

Но для особо ревностных или отчаявшихся тайное сердце храма открывало путь к их настоящим желаниям.

Билкис прошла этим тяжелым путем истины лишь дважды за всю жизнь. В первый раз — когда ей на голову возложили корону Рассветного царства и вручили жезл с наконечником в виде когтистой лапы. Девушка по имени Билкис тогда стала царицей Южных земель. В тот день она боялась собственной слабости и осмелилась пройти во Внутреннее Святилище, чтобы испытать себя.

Во второй раз она приходила туда в день смерти своей дочери, ища покоя и смирения, чтобы склониться перед хитросплетениями судьбы. Тогда ей это не удалось. Горечь и страх терзали Билкис, пока ее не поглотила тьма. Еще неделю она не вставала с кровати, понемногу собирая осколки своей души. После того страшного дня она не осмеливалась входить даже во внешние покои храма.

«Но сегодня мне придется. — Билкис простерла руки перед собой. Они не дрожали. — Я спокойна». Она поднялась и медленно повернулась к прислужницам:

— Хороша ли я?

Она спросила не из любопытства — следовало, чтобы сегодня убор и наряд выглядели безупречно.

— Ты — сама богиня во плоти, — ответила Ирция.

— Еще нет, — произнесла Билкис и посмотрела на Хуррами. Та внимательно изучала госпожу.

— Да, — Хуррами опустила на колени и провела рукой по складкам подола, — да, ты прекрасна, госпожа моя.

— Хорошо. Остается покрывало.

Ирция и Хуррами достали из позолоченной шкатулки переливающееся облако ткани, встряхнули его и накинули на голову Билкис. Сквозь сияние священного покрывала мир казался тенью. Покрывало богини было соткано из шелка, легкого и прозрачного, словно солнечный свет. Золотые нити ярко вспыхнули, когда оно легло на голову Билкис, ниспадая с диадемы и окутывая все тело до пят.

Служанки осторожно поправили покрывало. Приведя все в порядок, Хуррами кивнула:

— Ты готова, госпожа моя. — Немного поколебавшись, она тихо добавила: — Удачи, Билкис.

Вопреки увещаниям придворной распорядительницы, прислужниц и телохранителей, Билкис вышла на улицы Мариба одна. По столь важному поводу не подобало устраивать пышную царскую процессию. «Сейчас я лишь прихожанка, а не правительница. Я не уступлю соблазнам тщеславия и показной роскоши».

Кроме того, мудрость подсказывала ей, что образ закутанной в покрывало царицы, одиноко идущей к великому храму просить милости Аллат, сохранится в памяти горожан дольше, чем процессия, какой бы она ни была пышной.

Имелись и другие причины проявить столь скромную набожность и спокойную гордость. Ожидалось (хотя и не требовалось напрямую), что проситель, желающий попасть во Внутреннее Святилище, пройдет через главные ворота смиренно и кротко. Сегодня эта скромность станет не только проявлением набожности, но и продуманным ходом. Весь город должен был увидеть, что царица отправилась искать истину у самой Аллат. Легкомысленным или бесцельным такое обращение к богине быть не могло...

«...А значит, любым словам, принесенным мной из храма, поверят». От мысли о том, что придется обмануть, у Билкис

стало горько во рту. Но она не могла выйти от богини без ответа. *Не могла*. А если Царица Небесная не поднимет завесу над будущим Савского царства... Билкис снова мысленно повторила слова, символизировавшие ее надежду, словно бесплотные талисманы, защищавшие от сгущавшихся туч: «Если Аллат не откроет будущее, для меня это будет означать, что она полагается на меня и разрешает мне действовать».

Эта мысль казалась разумной и обоснованной. Она даже могла быть правдой. Если бы от этого еще становилось легче на душе...

Билкис попыталась отбросить все мысли. Не следовало приходить к Царице Небесной в смятении. Когда дворцовые ворота остались позади, укрощать непокорные мысли стало легче. Многолетняя привычка даровала ей способность отвлекаться, когда она устремляла все внимание на то, чтобы ступать величественно и грациозно.

Казалось, пути из дворца в храм не будет конца. И все же Билкис вышла на широкую, освещенную солнцем площадь у главного входа в храм. Там ее, как и всех просителей, приветствовала жрица:

— Добро пожаловать в дом нашей Матери, дитя. Что привело тебя сюда?

Последняя возможность передумать, отказаться от выбранного пути. Но Билкис уже произносила ритуальный ответ:

— Я пришла в поисках мудрости.

— Многие приходят в поисках мудрости, — сказала жрица. — Тебе больше ничего не нужно?

— Я пришла ради будущего.

— Будущее само найдет тебя. Это все, что тебе нужно?

— Я пришла ради себя.

Жрица поклонилась и отступила. Билкис прошла вперед, за порог первого сада удовольствий.

Великий Храм богини Аллат состоял из семи чертогов, по кругу опоясывавших центр. Внешний чертог — обитель отдыха и любви — состоял из окруженного стенами дворика. Розы

наполняли воздух своим ароматом. Фруктовые деревья росли вдоль дорожек, причудливо змеившихся по саду удовольствий. Идущие этим приятным путем в конце концов снова оказывались у входа, увидев из всех чудес храма лишь этот милый тенистый сад.

Многие в большем и не нуждались.

«Если бы только я могла этим довольствоваться!» Но она выбрала другой путь и не собиралась сворачивать.

Она спокойно прошла по саду во второй открытый для всех двор и миновала его соблазны, по-прежнему не останавливаясь. Затем — третий двор, и вот уже остались позади все радости простых смертных. Молясь, чтобы смелость не покинула ее, Билкис посмотрела на первую преграду, отделявшую внешний храм от загадок, скрытых в его центре.

«Перед ней все равны». Сквозь золотистую пелену покрывала Билкис видела ворота и охранявшего их стража. Первые из семи ворот, которые следовало пройти по дороге к богине, были украшены позолотой и драгоценностями. Цельный слоновий бивень, покрытый резьбой, служил засовом.

— Что тебе нужно? — спросил жрец, охранявший ворота.

— Войти.

Все ответы она давно выучила наизусть. Когда-то она думала, что с того дня, как на голову ей возложили корону, производить их вновь не придется.

— Входить следует кротко и смиренно. Готова ли ты оставить безрассудство и гордость у этого порога?

— Да, — ответила Билкис.

— Тогда отбрось их и входи.

Царица наклонилась и сняла позолоченные сандалии, которые затем вручила стражу. Тот с легким поклоном принял их. Он поставил сандалии на полку, где виднелась еще дюжина пар обуви. Потом страж отодвинул засов из слоновой кости и распахнул ворота.

— Входи кротко и смиренно, и пусть тебе откроется искомое.

Сердце колотилось. Она прошла в ворота. Здесь по-настоящему начинался ее путь. Отсюда повернуть назад она уже

не могла. Богато разукрашенные створки захлопнулись, оставив ее лицом к лицу с тем, что они скрывали.

«Я прошла первые ворота. Конечно, это самое сложное». Первые ворота, первые из семи, которые предстояло миновать. Каждые следующие означали приближение к сердцу богини, каждые избавляли от одной из оболочек смертного мира.

Идущим во Внутренний Покой следовало оставить на каждом пороге украшение или одежду. У первых ворот снимали обувь, чтобы проситель шел в главное святилище босиком.

У вторых ворот Билкис расстегнула пояс и вручила полоску из переплетенных золотых и серебряных нитей жрецу, молча ожидавшему у створок, выложенных гладкими нефритовыми пластинами.

Ожерелье у третьих ворот, браслеты у четвертых. Изысканные золотые сережки в виде лучистых солнечных дисков — у пятых. На шестом пороге она расстегнула платье. Тяжелый шелк скользнул по ее телу и с тихим шелестом опустился вниз. Она осторожно переступила через мягкую ткань и пошла дальше.

Теперь на ней осталось лишь покрывало богини, которое защищало ее до седьмых ворот. Там ей предстояло отказаться от этой последней иллюзии.

Ее окружала полная тишина. Сам воздух казался тяжелым и мягким, словно теплый мед. Теперь следовало очистить разум от страха и желаний, и Билкис чувствовала, что это не удастся. «В первый раз у меня получилось лучше. И во второй. Что со мной не так, почему сейчас не выходит?»

«Ты сама знаешь. Сейчас все слишком серьезно. Если у тебя не получится, Савское царство падет».

У седьмых ворот из гладко отполированного ладанного дерева в роговом обрамлении не было стражей, требовавших символов ее женственности. Здесь ей предстояло пройти одной.

Она воздела руки под покрывалом и сняла с головы украшенный драгоценными камнями обруч. Словно радуясь освобождению, покрывало опустилось в ладони, скользнуло по спине и легло у ног сияющей лужицей. Посмотрев на сброшенное покрывало, она разжала пальцы, и обруч упал на смятую ткань.

Теперь от Внутреннего Святилища ее отделяли только ворота из дерева и рога.

Теперь она, такая же просительница, как и все остальные, могла предстать перед богиней. Положив руку на засов, она открыла седьмые ворота.

На нее хлынул свет. Она двинулась вперед, во Внутреннее Святилище богини. Там не было идолов и статуй, воплощавших златокожую Солнечную Царицу. Лишь внутренний двор. Круглые позолоченные стены и теплый янтарный пол под ногами. Резкий свет полуденного солнца лился во двор. Стены ярко сияли. В этом круге огненного света стояли только богиня и просительница, и все, что происходило дальше, оставалось между ними.

Золотой свет горел так ярко, что Билкис зажмурилась. Она не опустилась на колени и не стала произносить свою просьбу. Солнечной Госпоже не требовались слова, чтобы понять, что лежало на сердце ее земной дочери. Билкис пришла слушать, а не говорить.

Невыносимо тяжело стоять и ждать. Превратиться в чашу, которую Аллат наполнит, если захочет. Здесь, в обители чистого и яркого света, ничто не могло спрятаться и скрыться в тени. Она стояла перед богиней обнаженная и не могла ничего утаить.

И от себя она не могла ничего утаить.

Это пугало ее даже больше, чем нагота под взглядом лучистых глаз Аллат. И, хотя она уже дважды стояла в этом круге золотого света, сегодня ее охватил особенно сильный страх, словно теперь она заглянула в вечность.

«Нельзя бояться. Нельзя отчаиваться и спешить. Следует ждать».

Ждать и очиститься от всех мыслей, страстей и желаний. Даже самые праведные устремления следовало превратить в терпеливую покорность.

«Жди. И доверься Аллат». Разве стоило приходиться сомневаясь в ответе богини? «Загляни в свою душу. И ты поймешь, где и почему ошиблась. Загляни в свою душу, Билкис».

Звучал ее собственный голос, напоминая, зачем она здесь. И Билкис покорно устремила свой взгляд внутрь. Ее разум искал ответа. «Ты знаешь, что следует сделать. Почему ты боишься?»

Потому что поражение стоило слишком дорого. И расплачиваться предстояло не ей, а всем, кто придет следом. «Если я проиграю, кара падет на Савское царство, а не на меня».

Вот что лежало холодной глыбой страха в самом ее сердце. Все — ее царство, ее земля, ее народ — жили спокойно и верили в ее силы. Верили в будущее.

«И лишь ты можешь даровать им это будущее, дитя мое. — Слова пришли из пустоты, вспыхнув белым пламенем перед ее ослепленными глазами. — Лишь ты».

— Что мне сделать? — прошептала она потоку слепящего света.

— Ты знаешь. Ищи, и ты обретешь. Другого пути нет.

«Ищи, и ты обретешь...»

Так пришел ответ, ясный, словно день, и такой простой, что она рассмеялась от удивления и облегчения. Если нельзя родить дочь, следует найти ее.

«Я должна отыскать настоящую царицу, которая будет править солнечными землями, землями пряностей, землями, которым благоволят боги. — Слова отчетливо звенели в воздухе, открывая правду, которую она раньше не признавала. — Как могла я до сих пор не понимать, что нужно делать?»

Она всегда знала, что следует выбрать наследницу престола. Но это было нелегко и не предвещало мирного будущего. Ведь царица не могла взять на воспитание дочь из какой-нибудь знатной семьи. Это породило бы размолвки, вражду и привело бы к войне. Но сейчас Билкис наконец получила ответ и увидела выход из лабиринта семейных уз и паутины связей между подданными.

«Значит, Матерь дарует мне дочь, но найти ее я должна сама. И мне придется преодолеть для этого долгий путь». Искать следует не здесь. Нужно отправиться куда-то в далекие земли, а потом вернуться с новой царицей. «С девочкой, чье право на

престол никто не сможет оспорить, ведь она будет моей истинной дочерью, которую изберет Матерь Аллат, Светлая Царица».

Теперь она опустилась на колени, касаясь губами горячего, словно кровь, пола, благодаря богиню за помощь и целительную уверенность, окутавшую ее, успокаивающую боль.

Корона спокойно перейдет к следующей царице. Так пообещала богиня. Осталось лишь узнать, где среди всех царств мира найти девочку, на которую укажет богиня...

«Даже если богиня — я».

Выйдя наконец из храма (возвращаться долгой ритуальной дорогой, которой она прошла в святилище, на этот раз не стоило; чтобы предстать перед богиней, требовались жертвы и соблюдение обычаев, а вот обратный путь был проще), Билкис, едва держась на ногах, бросилась в объятия своих самых верных прислужниц. Хуррами прикрыла ее наготу, Ирция протянула кубок. Билкис торопливо выпила вино. На языке остались привкус ладана и корицы.

И лишь тогда она заметила, что ее ждали не только служанки. Высокий, залитый золотым солнечным светом, там стоял сын ее сестры, царевич Рахбарин, ожидая, когда понадобится его помощь.

— Что же, говорила ли с тобой наша Матерь? — спросил он.

Этот вопрос заслуживал ответа. Но Билкис подождала, пока Ирция вновь наполнит кубок. Затем осушила его. На этот раз она содрогнулась, словно бы тепкое вино обожгло ее горло холодом.

— Да, — произнесла наконец она, — да, Матерь со мной говорила.

На нее смотрели, ожидая продолжения, но она не могла произнести ни слова. Теперь, когда она уже не заботилась о том, чтобы смело и грациозно ступать дорогой богини, на нее навалилась усталость, холодом сковывая кости.

— Не сейчас, — промолвила Билкис, закрывая глаза.

— Значит, позже.

Рахбарин подхватил ее на руки, и она вздохнула с облегчением, чувствуя, что вернулась в мир людей и прошла испытание богами и собственным страхом. Более того, она знала, что племянник защитит ее от любопытства назойливых сановников и благонамеренных сопровождающих. Ведь Рахбарин делал то, о чем она просила, а не то, что сам считал лучшим для нее.

Это означало, что просьбы следует тщательно обдумывать. «Но сейчас я просто хочу отдохнуть. Погрузиться в сон и видеть спокойные сны».

Той ночью она спала глубоко и без сновидений, а проснувшись, почувствовала, что отдохнула душой и телом. И, несмотря на все ее тайные сомнения в том, что Аллат действительно дарует царству счастливое будущее, в тот день, после посещения Внутреннего Святилища, ее отчаянные молитвы были наконец услышаны.

Ведь именно в тот день в Мариб к правительнице Южных земель прибыли послы от царя, о котором она никогда раньше не слышала. Послы из страны, лежавшей далеко на север от Савского царства, богатого золотом и благовониями. От Соломона Премудрого.

В тот день Билкис не должна была вершить царский суд, потому она решила отдохнуть. Одетая лишь в тонкую льняную юбку, она тихо сидела в своем саду на скамье, вырезанной из красного камня, вдыхала ароматы сирени и роз, наслаждалась теплом солнца, ласкавшего ее распущенные волосы. Царице Билкис редко выпадали такие моменты отдыха, поэтому Хуррами, тихо ступая по садовой дорожке, протянула руку, извиняясь за вторжение.

— Госпожа, умоляю, прости, что нарушаю твой покой.

— Значит, у тебя на то веская причина, — вздохнула Билкис. — Говори.

— Дворцовый управляющий попросил меня сказать тебе, что в город прибыли царские послы и хотят, чтобы госпожа приняла их.

«Неужели эта новость не могла подождать?» Билкис овладела собой и спокойно взглянула на Хуррами:

— Послы? Наверное, они очень важные — или очень назойливые...

— ...если посмели мешать отдыху царицы, — закончила Хуррами, раздраженно пожимая гладкими плечиками, — но мы ведь знаем управляющего. Он клянется, что дело срочное.

— Что ж...

Билкис печально улыбнулась. Шакариб прекрасно вел хозяйство, но он и вправду слишком уж добросовестно относился даже к делам, которые могли подождать.

— Расскажи мне об этих послах, которые так спешат.

— Я знаю мало. Они прибыли из далеких северных земель...

«Из далеких северных земель...» От этих слов что-то вскипело в крови у царицы и стало труднее дышать. Шаловливый ветерок ласково коснулся ее, и вдруг она поняла, что Пресветлая Богиня ответила на ее жаркую молитву. Эти люди из лежащей за раскаленными песками страны могли дать ей то, что она искала так долго.

— ...из таких далеких земель, что царство их находится за Великой пустыней. Но они прибыли не через пустыню. Они приплыли по Красному морю на торговом корабле.

Слушая Хуррами, Билкис боролась с желанием немедленно позвать чужестранцев к себе — такая спешка противоречила милосердию и мудрости. Билкис подняла руку, и Хуррами замолчала.

— Я не хочу знать, по суше они прибыли или по морю. Сейчас они здесь, этого достаточно. Говоришь, они из далекой страны? Значит, проделали долгий путь. Дайте этим чужестранцам все, чего они пожелают, а затем, когда они отдохнут, приведите их ко мне. Я расспрошу их и узнаю, чего они хотят.

Церемонно прощаясь, Хуррами отвесила поклон, и Билкис отвернулась. Обе они знали, зачем люди из северной страны проделали столь долгий путь и чего они хотят, ведь в Мариб часто прибывали странники из дальних краев. Савское царство, Земля Пряностей, притягивало со всего мира людей,

стремящихся к его богатствам. Торговцы, которым хватало смелости преодолеть столь трудную дорогу, щедро платили за пряности и благовония, а возвращаясь домой, получали сто-кратную выгоду.

Никто в мире не мог устоять перед пряностями Савского царства.

«Далекая северная страна... В этой далекой стране ждет будущая царица. Ищи — и обретешь...»

Хотя кровь ее кипела от нетерпения, Билкис не поддавалась спешке. «Эти люди проделали далекий и долгий путь, чтобы добраться до меня и попросить о сокровищах, которыми я владею. Никуда они не убегут, если им придется потерпеть несколько часов — или недель». Или даже месяцев, если уж на то пошло. Да, те, кто приезжал торговаться за пряности и благовония Савского царства, терпеливо ждали, сколько хотела правительница.

И она, обуздывая едва преодолимое желание поспешить, заставила себя подождать еще день и лишь затем сказала Шакарибу, что посольство из северных земель может предстать перед ее троном из слоновой кости.

ВООЗ

— Странно это — чтобы царством правила женщина, — хмуро сказал Иофам, — и мне это не нравится.

— Ничто новое не нравится тебе, брат. Стоило ли вообще хлопотать о том, чтобы отправиться в путь?

Вооз осматривался. В роскошных комнатах, которые им выделили, вполне можно было поселить самого царя Соломона. «Люди здесь щедрые. Хотя, с другой стороны, они так богаты, что золото мало для них значит, а серебро и вовсе ничего не стоит».

— Я — брат царя. Служить ему — мой долг и мое право. Соломон попросил меня провести переговоры с жителями этих земель. Он забыл сказать, что мне придется иметь дело с женщиной. Как будто она — ровня царю царей.

— А я забыл, что ты никогда не слушаешь истории путешественников.

Вооз рассматривал серебряный кубок, вертя его в руках. Чеканка изображала горного козла, изготовившегося к прыжку. Рога его сверкали золотом. Во многих дворцах такую дорожную посуду приберегли бы для пиров.

— Кажется, здешние богатства нам и не снились. Посмотри. Он бросил кубок Иофаму.

— Искусная работа, — только и сказал тот, легко поймав кубок одной рукой и мельком взглянув на него. Он поставил кубок обратно на стол. — Не понимаю, что тебя так удивляет. Если бы Савское царство не владело тем, чего все хотят, нас бы здесь не было.

Все хотели воспетых молвой местных пряностей. Корица, благовонный нард, перец и другие не менее ценные приправы и благовония проходили через Савское царство по дороге из стран, лежавших по ту сторону рассвета, на алчные рынки западных царств. Но больше всего ценился савский ладан. Фимиам, чтобы призывать богов и добиваться милости богинь. Даже суровому богу Израиля нравился ладан. А ладанное дерево росло только в Савском царстве, и фимиам его — дороже золота и ценнее рубинов — развеивался по всему миру.

— Бесценный ладан и царица, хранящая местное сокровище... Как ты думаешь, она красивая? — спросил Вооз.

— Даже если на нее смотреть страшно, все равно все будут называть ее красавицей. Мне-то какое дело до нее? Меня дома ждет добрая жена.

— Я слышал, что эта царица — не человек, а джинн, и никто не может перед ней устоять. Она выбирает мужчин, как украшения. На один вечер. Думаешь, ты сможешь устоять перед ее чарами, если она поманит тебя?

— Хватит тебе лакать савское вино и слушать здешние сплетни. Мы здесь ради пряностей, а не ради царицы.

— Из всех, кого царь Соломон мог сюда отправить, он выбрал тебя — холодного перед лицом красоты, безразличного

к тайнам, равнодушно к роскоши, — заметил Вооз, глядя на царевича Иофама с грустным изумлением.

— Мы не для того приехали, чтобы вожделеть красот, открывать тайны или зариться на чужую роскошь. Мы должны заключить торговый союз для царя Соломона.

Ступая по мягкому ковру, застилавшему прохладные мраморные плиты, Иофам подошел к круглому, как полная луна, окну и откинул занавеску из серебристой ткани.

— Иди сюда и смотри, Вооз. Пусть твои глаза насытятся Марибом сейчас. Ведь, когда мы предстанем перед царицей, нам понадобятся ясный взгляд и холодный ум.

Стоя за плечом двоюродного брата, Вооз смотрел на город, сверкавший ярче жемчужной россыпи. Иерусалим, Город Давида, венчал собой скалистый холм и нависал над равниной, словно воин, охранявший окрестные земли. А Мариб привольно раскинулся посреди изумрудно-зеленых полей, наглядно доказывавших умение местных жителей добывать воду из песков пустыни. Вокруг домов цвели сады, вдоль улиц тянулись аллеи.

— Наверное, здесь живут искусные волшебники, раз они смогли сделать пески плодородными, — сказал Вооз.

— Наверное, здесь живут искусные строители, раз они смогли построить плотину и повернуть реку, протекавшую в тысяче лиг отсюда, — расхохотавшись, ответил в тон ему Иофам. — Может, я и не слушаю рассказы странников про драгоценные камни и джиннов, а вот за донесениями наших разведчиков я слежу внимательно. Сходи к этой пронице — дворцовой распорядительнице — и спроси, долго ли еще послам царя Соломона ждать, пока царица Савская соблаговолит допустить их к себе.

БИЛКИС

Несмотря на богатство Савского царства, трон отличался простотой. Его вырезали так давно, что даже сама слоновая кость стала древней. Отполированный временем трон, с которого правила династия из тысячи цариц, когда-то был словно лун-

ный свет, а теперь стал медово-золотистым. Сшитая из леопардовых шкур и шелка завеса перед тронем скрывала царицу от взглядов собравшихся придворных. По мановению руки Билкис евнухи-охранники, потянув за золотые цепи, отодвигали завесу, являя миру царицу Савскую, сидевшую на древнем троне, словно богиня.

Захватывающее зрелище должно было внушать трепет и заставлять чужестранцев склоняться перед местными торговцами. И у Билкис не было причин думать, что посланники царя Соломона окажутся более стойкими, чем кто-либо другой.

Один из евнухов прочистил горло, делая вид, что закашлялся. Посмотрев на него, Билкис поняла, что он привлекает ее внимание, ожидая знака отодвинуть завесу. Этот знак ей следовало подать уже давно. Но лихорадочное стремление, подгонявшее Билкис с того момента, как Хуррами рассказала о чужестранцах с севера, покинуло ее. Остывая, ее пыл сменился страхом.

«Ведь если я взгляну на этих людей, выслушаю их и все равно не найду ответа — что тогда?» Что если ответа и не существует? Возможно, она обманывает сама себя, отказываясь смотреть в безнадежное и неумолимое будущее? Что если... «Билкис, ты не можешь вечно откладывать. Подавай знак и начинай».

Она подняла руку, чувствуя, что ее тело еще никогда не было таким тяжелым. Но никто не заметил ее холодного отчаяния. Главный придворный евнух кивнул. Скрывавшие ее завесы разошлись, и она смогла наконец взглянуть на людей, прибывших через Красное море от царя, прозываемого Соломоном Премудрым.

Северяне не упали на колени и не поклонились. Они смотрели на нее, не опуская глаз, будто и не сидела перед ними царица, к которой пришли с просьбой, жрица, которую предстояло умиловить. Билкис уже приходилось видеть таких. Их землями правили мужчины. Эти люди просто не могли понять, что царица может служить своему народу и богам не хуже, чем цари, а иногда и лучше многих. Мужчины из мужских царств смотрели на женщин и видели только слабость.

«Да, я хорошо знаю подобных вам людей. Вы, мужланы с презрительными взглядами, думаете, что если я женщина, то слово мое не обладает силой закона». Не отводя глаз от мужчин, стоявших перед ее троном, она плавным движением подняла руку — словно струйка песка перетекла через гребень дюны. Ухаят, придворная распорядительница, вышла вперед и встала на колени.

— Кто хотел видеть царицу Южных земель? — Отдавая дань вежливости чужестранцам, Билкис говорила на торговом наречии. Традиции следовало соблюдать, несмотря на неотесанность гостей.

— Меня зовут... — начал было главный из них.

Не обращая внимания на эти слова, придворная распорядительница заговорила, заглушая его своим звонким голосом:

— О царица Утра, свет наших дней, сейчас приблизятся те, кто ищет милости и мудрости Дочери Солнца.

Лицо Ухаят оставалось спокойным, как и ее голос, но взглядом она полоснула чужестранцев, словно клинком. Главный из послов побагровел — то ли от стыда за свою неотесанность, то ли от гнева за презрение, которое выказала Ухаят.

В тишине, воцарившейся после слов придворной распорядительницы, Билкис молча сидела, считая удары сердца. Наконец, когда люди за спиной главы посланцев начали нетерпеливо переминаться с ноги на ногу, она произнесла освященный долгой традицией ответ:

— Пусть приблизятся те, кто нуждается в милости и мудрости царицы.

Не ожидая, когда госпожа Ухаят подведет их ближе, посланники Соломона ринулись вперед. «Ни чувства такта, ни хороших манер». А их одежде, хоть и тщательно сшитой, не хватало изысканности.

Глава посольства остановился лишь у самого подножия трона. Надменно выпрямившись, он смотрел прямо в лицо Билкис. Она разглядела в его темных глазах проблеск любопытства и огонек плохо скрытого презрения. Что ж, здесь их, по крайней мере, научат хорошим манерам. «Если вам нужны мои пряности, придется покориться моей воле». Подумав так, она

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Песнь Ваалит	9
Часть первая. Царица Южной страны	10
Часть вторая. Мудрость ценнее жемчуга	63
Часть третья. Кто посеет ветер	136
Часть четвертая. Дороже рубинов	184
Часть пятая. Гранатовое зернышко	259
Часть шестая. Благовонное ложе, цветник ароматный	336
Часть седьмая. В поисках огня	391
Заключение. Рассвет	506

Літературно-художнє видання

ЕДГЛЛ Індія
Наступниця цариці Савської
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректори *О. С. Калмикова, А. В. Колеснікова*

Підписано до друку 20.02.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 26,88.
Наклад 4000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ЭДХИЛЛ Индия
Наследница царицы Савской
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *А. А. Колюбакина*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректоры *О. С. Калмыкова, А. В. Колесникова*

Подписано в печать 20.02.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 26,88.
Тираж 4000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Велична історія кохання, збережена у віках. Цар Соломон уже втомився від державних справ і нескінченних інтриг дружин і гаремниць, коли в його палаці з'явилася жінка, яка перевершила всіх красунь і зачарувала правителя. Цариця Савська прибула з далекої країни, щоб випробувати мудрість царя загадками, і сама стала для нього дивовижною загадкою, найжаданішою жінкою у світі. Але вродлива цариця Сави шукала в покоях Соломона не лише кохання. Її привело в Ізраїль пророцтво: саме тут цариця має знайти спадкоємицю трону...

Эдхилл И.

Э27 Наследница царицы Савской : роман / Индия Эдхилл ; пер. с англ. И. Серебряковой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 512 с.

ISBN 978-617-12-5968-3

ISBN 978-0-3122-8937-9 (англ.)

Величайшая история любви, запечатленная в веках. Царь Соломон был утомлен государственными делами и бесконечными интригами жен и наложниц, когда в его дворце появилась женщина, которая затмила всех красавиц и покорила правителя. Царица Савская прибыла из далекой страны, чтобы испытать мудрость царя загадками, и сама стала для него удивительной загадкой, желаннейшей женщиной на свете. Но прекрасная царица Савы искала в покоях Соломона не только любовь. Ее привело в Израиль пророчество: именно здесь царица должна найти наследницу трона...

УДК 821.111(73)